ПОСЛЕДНИЙ КЛИЕНТ

ИГОРЬ МОЛЧАНОВ

Детектив Ланской

Игорь Молчанов

Последний клиент

«Автор»

2026

Молчанов И.

Последний клиент / И. Молчанов — «Автор», 2026 — (Детектив Ланской)

Затяжные осенние дожди заливают портовый город, а частный детектив Виктор Ланской готовит свою контору к закрытию. Одиннадцать лет работы сжимаются до коробок с вещами и билета на поезд. Однако накануне отъезда на пороге появляется Ирина Соколова с просьбой найти ее старшую сестру Нину, пропавшую без вести двенадцать лет назад при загадочных обстоятельствах.Взявшись за безнадежное дело, Ланской сталкивается с жутковатым совпадением: дата исчезновения девушки совпадает с ночью гибели его жены Нади в ДТП на Набережной. Погружаясь в тайны Забухты и заброшенного маяка на Стрелке, Виктор осознает, что трагедия его семьи и пропажа Нины — звенья одной цепи. Каждая новая улика и пожелтевшая открытка приближают его к правде, за которую придется заплатить сполна. «Последний клиент» — психологический детектив о тяжести нераскрытых тайн, предательстве и искуплении.

© Молчанов И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Аннотация 5
Глава 1. Контора на углу Дождя 6
Глава 2. Аванс 12
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Последний клиент

Аннотация

Затяжные осенние дожди заливают портовый город, а частный детектив Виктор Ланской готовит свою контору к закрытию. Одиннадцать лет работы сжимаются до коробок с вещами и билета на поезд. Однако накануне отъезда на пороге появляется Ирина Соколова с просьбой найти ее старшую сестру Нину, пропавшую без вести двенадцать лет назад при загадочных обстоятельствах.

Взявшись за безнадежное дело, Ланской сталкивается с жутковатым совпадением: дата исчезновения девушки совпадает с ночью гибели его жены Нади в ДТП на Набережной. Погружаясь в тайны Забухты и заброшенного маяка на Стрелке, Виктор осознает, что трагедия его семьи и пропажа Нины — звенья одной цепи. Каждая новая улика и пожелтевшая открытка приближают его к правде, за которую придется заплатить сполна. «Последний клиент» — психологический детектив о тяжести нераскрытых тайн, предательстве и искуплении.

Глава 1. Контора на углу Дождя

Дождь шел третий день подряд — не сплошной осенний ливень, а липкая, серная морось, от которой воздух в портовой части города делался густым и тяжелым. К утреннему часу оконные стекла затягивало мутным налетом, и мир за ними казался размытым снимком, надолго забытым в кювете с проявителем.

Виктор Ланской не торопясь складывал в картонную коробку из-под бумаги то немногое, что уцелело за одиннадцать лет частной практики.

Вещей набралось всего ничего: рассохшийся степлер, заедавший еще позапрошлой зимой, тяжелая керамическая кружка со сбитым ушком, стопка чистых титульных бланков, видавшая виды настольная лампа да три шариковые ручки, из которых только одна не царапала бумагу. Сверху он положил фотографию жены — привычно, лицом вниз. Так она пролежала на краю стола последние четыре года, и он не находил в себе сил перевернуть её перед уходом.

Прежде чем браться за скотч, Виктор обошел обе комнаты, щелкая тумблерами и выдергивая вилки из розеток.

В конторе давно гудело всё, что только могло издавать звук: древний компрессор холодильника «Минск», застрявшего в приёмной с конца нулевых; старенький системный блок, пылившийся без дела, поскольку все записи Виктор вел по старинке — чернилами в контор-

ских книгах; и длинная люминесцентная трубка над столом. Она зажигалась лишь с четвертого щелчка, роняя холодный дрожащий свет. Когда лампа наконец погасла, в комнатах воцарилась сырая тишина, нарушаемая лишь глухим урчанием чугунного стояка отопления.

Одиннадцать лет этот стояк вибрировал за фанерной перегородкой, сливаясь с шумом дождя за окном, и только сейчас, накануне сдачи ключей, эта застарелая вибрация резанула по ушам. Виктор достал огрызок карандаша и вывел в рабочей тетради: «Труба. Гудит. Не чинил». Зачем он это сделал, он и сам не понял бы — просто механическая привычка следователя фиксировать вещественные детали уходящего дня.

Он толкнул створку окна. В комнату хлынул стылый сквозняк с залива, пахнущий сырой ржавчиной, тяжелым флотским мазутом и гниющими на отмели водорослями. Так пахло в Забухте, до которой по прямой было километра четыре, хотя в сухие летние дни город пах иначе — прокаленной солнцем пылью и йодистой солью. Внизу, во дворе, кто-то упорно и безнадежно мучил стартер старых «Жигулей». Двигатель захлебывался, чихал, и лишь на пятый раз судорожно схватил искру, отозвавшись глухим металлическим рыком.

Контора занимала две небольшие комнатки на втором этаже дома по Портовой, двенадцать. Приёмная — крохотный закуток в четыре метра с продавленным диваном и покосившейся вешалкой, где случайные посетители сбивали с сапог привокзальную грязь. И его кабинет — с угловым окном, выходящим на глухую стену соседнего склада, и тяжелым сейфом, опустошенным еще со вчерашнего вечера. На стене, где раньше висел настенный календарь, остался светлый незапыленный прямоугольник. Одиннадцать лет работы, сжавшиеся до клочка выцветших обоев.

Стук в наружную дверь прозвучал резко, без предупредительного шороха шагов по лестнице. Человек явно проигнорировал наспех приклеенную скотчем табличку «Закрыто».

— Открыто, не заперто, — по инерции бросил Виктор, не поворачивая головы.

Дверь скрипнула, и на пороге появилась женщина лет сорока. Дешевый полиэтиленовый дождевик висел на ней мешком, капюшон был натянут до самых бровей, а по подолу стекали мутные капли, оставляя на линолеуме неровные темные круги. В озябших руках она судорожно прижимала к груди пухлую папку из серого картона — такие обычно заводят в отделах кадров или судебных канцеляриях для дел, к которым не хочется возвращаться.

Она быстро окинула взглядом заклеенные коробки, распахнутые дверцы шкафа и остановилась на светлом пятне на обоях.

— Вы съезжаете, — произнесла она хрипловатым, уставшим голосом. Это было утверждение, лишенное вопросительной интонации.

— Сдаю помещение через неделю, — отозвался Виктор, машинально вытирая ладонью пыль с подоконника.

— Мне на вокзале сказали, что вы берете старые дела.

— Вам наврали. Я больше ничего не беру.

Женщина не шелохнулась. Виктор слишком хорошо знал эту категорию просителей: они не спорят, не плачут, но застывают у порога немой стеной в надежде, что ты не выдержишь тягостной паузы. За годы частной практики он сдавался раз двадцать, и в большинстве случаев это не приносило ничего, кроме горечи.

— У меня простое дело, — нарушила она молчание, шагнув вперед. — Человека найти.

— Люди просто так не исчезают. А если исчезают — этим занимается розыскной отдел полиции.

— Полиция уже искала, — она положила картонную папку прямо на угол запечатанной коробки. — Двенадцать лет назад. Три месяца формальных отписок, потом пыльная полка и отказной материал в архиве.

Виктор взглянул на её руки. Пальцы были покрасневшими от холода, коротко остриженные ногти без следов маникюра, а на правом указательном отчетливо темнела въевшаяся трудовая мозоль — от швейной иглы или постоянной возни с грубыми бухгалтерскими кондуитами. Ни обручального кольца, ни украшений. На запястье болтались тяжелые мужские часы «Полет» с трещиной через весь циферблат. Такие вещи не покупают себе в ломбардах — такие берегут как память о ком-то, кого уже не вернуть.

— Вы отдаете себе отчет, сколько это стоит? — сухо спросил он, пытаясь выставить привычный защитный барьер.

— Двести тысяч, — выговорила она без малейшей запинки. — Сто сейчас, наличными. Остальное — по факту.

Спрашивать, откуда у женщины в промокшей куртке с вещевого рынка такие деньги, Виктор не стал. В его ремесле подобные вопросы либо оказывались лишними, либо вели к чужой непоправимой беде.

— Дело двенадцатилетней давности не поднять за девять дней, — покачал головой Виктор. — Я уезжаю из города в следующее воскресенье. Билет на руках.

— Мне не нужно за девять дней, — в её голосе впервые прорезалась глухая, отчаянная сталь. — Мне нужно, чтобы его наконец закрыл человек, а не архивный шкаф.

Она распустила завязки папки. Внутри лежал пожелтевший бланк заявления о розыске с размытым фиолетовым штампом дежурной части и дата, при взгляде на которую у Виктора под ребрами нехорошо кольнуло.

Четырнадцатое октября. Двенадцать лет назад.

— Соколова Нина Андреевна, — проговорила женщина вполголоса, глядя мимо него в темнеющий оконный проем. — Восемьдесят шестого года рождения. Двадцать шесть лет на момент пропажи. Это моя старшая сестра.

Виктор молчал, буравя взглядом выцветшую машинописную строчку.

— Меня зовут Ирина Соколова, — добавила она, видя его оцепенение.

— Я понял.

— Нет, вы не поняли. Переверните копию.

Виктор тронул край шершавой бумаги. В правом нижнем углу простым графитовым карандашом стоял короткий номер проверки. Он всплыл в сознании мгновенно, с точностью до цифры — словно ядовитый осадок со дна колодца, который он одиннадцать лет безуспешно пытался засыпать песком. Номер отказного материала по факту ночного ДТП на Набережной. Дело, в котором под утро утонула его собственная жена.

— Дата совпадает, — ровным, чужим голосом произнес Виктор.

— Вы отлично помните эту дату, майор Ланской.

— Откуда вам известно мое имя?

— Я тогда дежурила в коридорах прокуратуры сутками, — горько усмехнулась Ирина, стянув капюшон. Волосы у нее оказались тусклыми, с ранней проседью на висках. — Вы ходили мимо меня в дежурку, чернее тучи, в мокром форменном бушлате. Вы тогда перерывали все входящие сводки за сутки. Искали хоть зацепку.

— Ничего не нашлось, — отрезал Виктор. — В ту ночь по сводкам проходило трое пропавших. Обычная осенняя норма для портового узла. Фамилию вашей сестры я не запомнил.

— Тогда взгляните на это.

Ирина достала из бокового кармашка папки бумажный конверт и бережно извлекла цветную любительскую фотографию с заломанным углом.

На выцветшей глянцевой карточке молодая женщина стояла у бетонного парапета, наполовину повернувшись к морю. Порывистый ветер растрепал светлые пряди, выбившиеся из-под вязаной повязки, тонкая шея казалась хрупкой на фоне тяжелого свинцового горизонта. Никакого позирования — она словно прислушивалась к далекому гудку теплохода. Но взгляд Виктора приковала не она, а задний план: сколотый край бетонного пирса и узкая железная лестница, ведущая к швартовочным кнехтам, с перилами только с одной стороны.

Эту лестницу он знал наизусть. Во всем заливе такая была одна — у старого рыбного причала в Забухте.

Виктор медленно опустил снимок на стол. Пальцы едва заметно подрагивали.

— Четырнадцатое октября, — повторил он глухо. — Обстоятельства ухода?

— Никаких зацепок. В семь вечера сказала маме, что забежит на часок к подруге. Дождь хлестал не переставая, но она оставила зонт в коридоре, а мобильный телефон забыла на тумбочке у зеркала.

— Куда именно она направлялась?

— К Ларисе Тумановой, однокурснице. Лариса потом клялась следователям, что Нина до нее так и не дошла.

— Вы Ларисе верите?

— Верю, — Ирина прямо встретила его тяжелый взгляд. — Лариса после этого два года сама оббивала пороги больниц и моргов, расклеивала ориентировки по пригородным станциям, пока не родила и не уехала в область. Мы до сих пор созваниваемся каждый месяц.

— И вы уверены, что спустя двенадцать лет я смогу разглядеть то, чего не увидели оперативники по горячим следам?

— Мне сказали, вы возьметесь, — тихо ответила Ирина. — Сказали, что вам больше нечего терять и вы единственный, кто не боится ворошить Забухту.

За окном с новой силой забарабанил дождь. Вода захлестывала отлив, с шипением стекая по чугунной трубе. Виктор посмотрел на пустой сейф, на фотографию незнакомой белокурой женщины и выдвинул средний ящик стола.

— Сто тысяч вперед, — сказал он, доставая чистый блокнот. — Вторую половину отдадите, если я принесу подтвержденный результат. Если дело окажется пустышкой или могилой — аванс возвращаю за вычетом прямых расходов на бензин.

— А если вы найдете то, о чем лучше было бы молчать?

— В таких делах половинчатых ответов не бывает, Ирина Викторовна. Находят либо человека, либо правду, с которой потом приходится жить.

Она молча вытащила из внутреннего кармана увесистый сверток, туго перетянутый аптечной резинкой, и положила перед ним.

— Здесь ровно сто. Пересчитайте.

— Верю на слово.

Уже взявшись за дверную ручку, Ирина на мгновение замерла и, не оборачиваясь, бросила в полумрак прихожей:

— Мама до сих пор каждый вечер накрывает обеденный стол на четверых. Нас осталось двое.

Когда шаги на лестнице стихли, Виктор достал из коробки снимок своей жены, сделанный за полтора месяца до её гибели, и положил его вплотную к карточке Нины Соколовой.

Та же серая рябь осеннего залива. Тот же сколотый угол бетона. И та же ржавая портовая лестница с перилами по левую руку.

Место съемки совпадало с точностью до метра.

Глава 2. Аванс

Утренний свет пробивался сквозь запыленные жалюзи косыми полосами. Виктор разложил деньги на полированной столешнице: пять тугих корешков по двадцать тысяч, запечатанных свежими банковскими лентами недельной давности. Ирина не копила их под матрасом годами — она сняла последние сбережения или влезла в грабительский кредит буквально на днях, перед самым приходом сюда.

Он запер пачки обратно в сейф, ощущая глухую досаду на самого себя, после чего достал новую разлинованную тетрадь.

На первой странице Виктор вывел четким канцелярским почерком:

«Соколова Нина Андреевна, 1986 г.р. Исчезновение: 14 октября, временной интервал 19:00 – 23:30. Последняя известная локация: припортовая зона, Забухта».

Ниже, разделив страницу вертикальной чертой, добавил: «Надежда Ланская. 14 октября, 23:40. Набережная, створ лодочной станции. ДТП со смертельным исходом».

Двенадцать лет он держал эти две трагедии в герметично изолированных отсеках памяти. Теперь между ними натягивалась тонкая, но очевидная нить.

Перед выездом на Заречную Виктор набрал номер Ларисы Ким — той самой подруги, чей телефон чудом сохранился в записной книжке времен его службы в розыске. Трубку сняли после долгого ожидания; на заднем плане звенела детская посуда.

— Лариса? Добрый день. Говорит Ланской, частный сыск. Я по поводу Нины Соколовой.

В трубке повисло напряженное молчание. Послышался сухой щелчок выключателя — женщина явно вышла в коридор, подальше от семьи.

— Двенадцать лет прошло, Виктор Сергеевич... — глухо отозвалась она. — Зачем снова всё это ворошить? Вы из главка?

— Меня наняла Ирина.

— Ирка все-таки не выдержала, — Лариса невесело вздохнула. — Она звонила мне каждую осень. Одно и то же: «Ларочка, вспомни, может, она обмолвилась хоть словом перед уходом?» А что я вспомню? Нина позвонила около шести, сказала, что прибежит поддержать. У меня тогда первый муж в запой ушел, посуду крушил... Нина знала, что мне страшно оставаться одной. Она была пунктуальной до педантизма: если обещала быть в семь — приходила без пяти. Но в тот вечер дверь так и не открылась.

— Лариса, скажите откровенно: у нее был мотив бросить всё и сбежать? Новый роман, долги, тайные сбережения?

— Да какие сбережения у рядового бухгалтера портового склада! — с легким раздражением бросила женщина. — Нина жила матерью и сестрой. И потом... Клавдия Петровна мне тогда призналась: на кухонном столе остался ее чай. Два стакана стояли на клеенке, в подстаканниках. Нинин стакан остыл нетронутым. Человек, который решает навсегда оборвать концы и исчезнуть на вокзале, не оставляет на столе остывать свежезаваренный чай. Она собиралась вернуться через полтора часа.

Закончив разговор, Виктор накинул куртку и поехал на Заречную.

Дом номер сорок оказался типичной панельной хрущевкой, вросшей в серый приземистый двор с чахлыми кленами. В подъезде стойко пахло квашеной капустой, кошками и застарелой сыростью от вечно протекающих подвальных вентилей.

На звонок с хриплым щелканьем открыла невысокая сухопарая старуха в темной шали, наброшенной поверх домашнего шерстяного платья. Клавдия Петровна Соколова держалась прямо, с тем подчеркнутым, окаменевшим достоинством, которое вырабатывается у матерей, годами ждущих вестей из моргов.

— Вы от Иры, — произнесла она прежде, чем Виктор успел достать удостоверение. — Проходите. Только разувайтесь у порога, линолеум сырой.

В квартире царил стерильный, выморочный порядок. На круглом обеденном столе красовалась вышитая льняная салфетка, а на серванте в строгом хронологическом порядке выстроились фотографии дочерей. Виктор безошибочно выделил снимок Нины — выпускной вечер в институте, открытый ясный взгляд, непокорная светлая прядь у виска.

— Я просила младшую не лезть в это болото, — Клавдия Петровна опустилась на жесткий венский стул, сцепив сухие узловатые пальцы на коленях. — Приходили уже ваши... в погонах. Дважды чай пили, крошки со скатерти смахивали, протоколы строчили. Обещали взять на контроль. Контроль кончился через три месяца, когда закрыли дело по срокам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.